

S $\frac{31}{314}$

Л. Н. Красновъ.

КАЗАКИ
ВЪ

АФРИКѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1899.

31
314

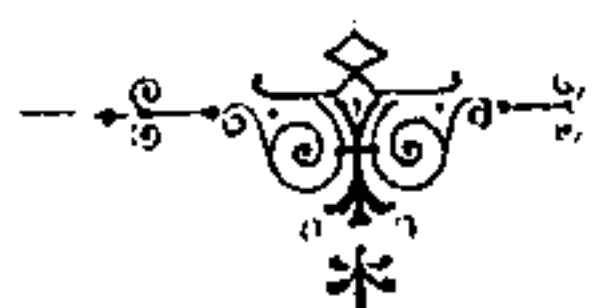
П. Н. КРАСНОВЪ.
.....

КАЗАКИ ВЪ АФРИКѢ

2 3/х17742

Дневникъ начальника конвоя Россійской
ИМПЕРАТОРСКОЙ миссиі въ Абиссинію
въ 18⁹⁷/₉₈ году.

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

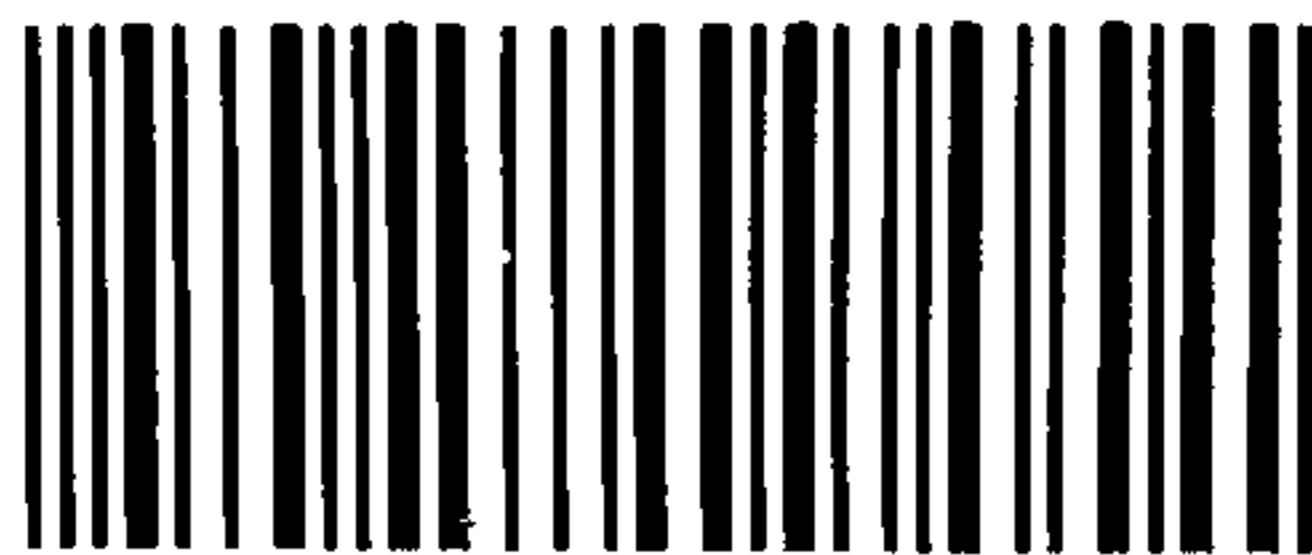

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го Декабря 1898 г.

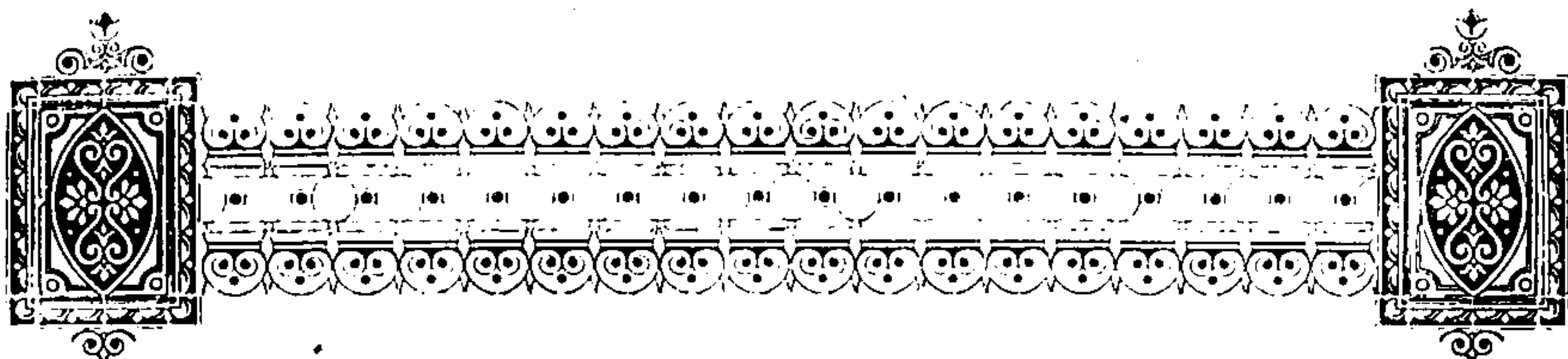

2007051242

Изъ «Восннаго Сборника» за 1898 г.

Моей жень.

С.-Петербургъ
1898.

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ настоящій свой трудъ, я считаю долгомъ предупредить читателя, что это не болѣе, какъ дневникъ, въ который я съ полной добросовѣстностью заносилъ все то, что меня поражало, трогало и восхищало дорогой. Особенно въ началѣ нашего путешествія, въ странахъ культурныхъ, мнѣ пришлось смотрѣть то, что давно всѣмъ извѣстно и давно описано. Я описывалъ эти мѣста съ тою подробностью, съ какою видѣлъ самъ. Мой дневникъ не можетъ служить гидомъ для путешественника, желающаго проѣхать въ Африку, хотя бы потому, что въ иныхъ мѣстахъ я, занятый конвоемъ, видѣлъ слишкомъ мало, въ другихъ смотрѣлъ черезчуръ узко—лишь, какъ кавалеристъ и охотникъ.

Не найдутъ въ моемъ описаніи и научнаго изслѣдованія малоизвѣстной страны, потому что я имѣлъ слишкомъ мало времени для этого, не обладаю достаточными знаніями и не былъ снабженъ нужными для того средствами.

Мой—дневникъ это моментальная фотографія глазъ моихъ. Чего я не видѣлъ, про то и не пишу. Если я

смотрѣлъ на что не такъ, какъ надо, прошу простить мнѣ великодушно мои ошибки. Не записать же и не отмѣтить хотя бы и мелочей такого грандіознаго факта, какъ посылка гвардейскихъ казаковъ въ Абиссинію,—я не могъ.

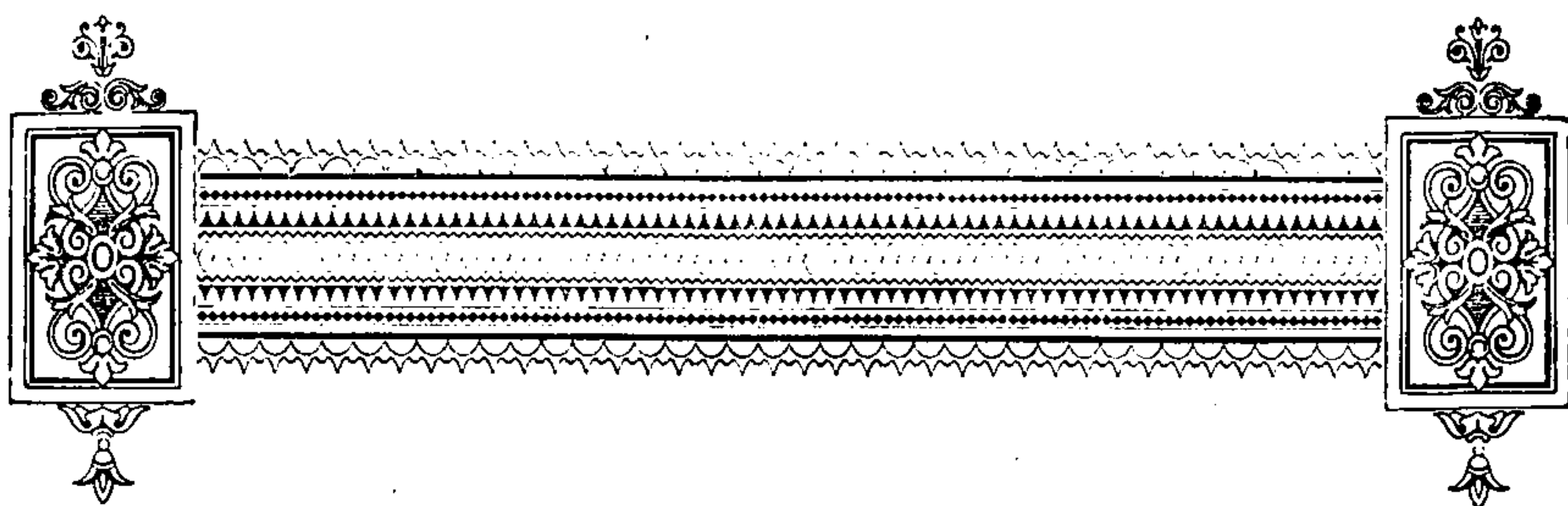
Еще разъ предупреждаю, что ничего научнаго въ моемъ дневникѣ не найдется — лишь бѣглый обзоръ пути отъ Петербурга до Адисъ-Абеба и обратно. Это легкое кавалерійское кроки, сопровождаемое легендой и только.

Feci quod potui—faciant meliora potentes.

П. Красновъ.

Портъ-Сандъ.
31-го (12-го) октября 1897 г.

I.

Отъ Петербурга до Одессы.

23-го сентября 1897 г., возвратясь изъ отпуска изъ области войска Донскаго въ Петербургъ и просматривая бумаги, получившіяся въ полку въ мое отсутствіе, я нашелъ отношеніе штаба гвардейскаго корпуса о командированіи казаковъ въ Абиссинію въ составъ конвоя Императорской дипломатической миссіи. Сейчасъ же въ умѣ моемъ мелькнула мысль хлопотать о назначеніи въ составъ этого конвоя. Обѣхать чужія страны, увидѣть новыя мѣста, новую природу, попасть въ «коловращеніе людей», какъ выражался Чичиковъ, наконецъ, расширить жизненный кругозоръ путешествіемъ — все это было слишкомъ заманчиво, чтобы жалѣть на это время и труды. И я сталъ хлопотать. На первыхъ же порахъ я потерпѣлъ фiasco. «Поздно», вотъ отвѣтъ, который мнѣ былъ данъ и начальникомъ миссіи, и вице-директоромъ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ... «Поздно, — составъ отряда уже утвержденъ, смѣта составлена и перемѣнить ее невозможно». Но видно мнѣ суждено было ѣхать и дѣло мое устроилось. Конвой, который первоначально было предположено сформировать изъ казаковъ и пѣхоты, составлялся исключительно изъ казаковъ; можно было думать, что и начальникомъ этого конвоя долженъ былъ быть казакъ — шансы мои возвышались, наступало тревожное состояніе, когда не знаешь, останешься ли дома, въ Петербургѣ, или на очень долгое время покинешь его, и все, что такъ дорого на родинѣ.

Около 1-го октября пріѣхалъ въ казачьи казармы одинъ изъ

членовъ миссіи, генеральнаго штаба полковникъ Артамоновъ, и официально передалъ приказаніе въ полки формировать конвой. Въ его распоряженіе было назначено шесть казаковъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, шесть казаковъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, трое лейбъ-гвардіи Уральской казачьей сотни, два артилериста лейбъ-гвардіи 6-й Донской Его Величества батареи и два фейерверкера Гвардейской конно-артилерійской бригады; кромѣ того, въ составъ конвоя входилъ также одинъ гусарь лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка, бывший въ командировкѣ въ Абиссиніи вмѣстѣ съ поручикомъ того же полка А. К. Булатовичемъ. Начальствованіе конвоемъ было ввѣрено поручику Булатовичу, а за его отсутствіемъ одному изъ офицеровъ миссіи, по назначенію ея начальника. Но такъ какъ конвой состоялъ почти исключительно изъ казаковъ, то начальникъ миссіи, затрудняясь въ выборѣ между бывшими въ его распоряженіи двумя пѣхотными офицерами; вошелъ съ ходатайствомъ о назначеніи меня начальникомъ конвоя.

Впредь до моего окончательнаго назначенія, полковникъ Артамоновъ поручилъ мнѣ присмотрѣть за снаряженіемъ казаковъ и далъ указанія относительно того, что должны они имѣть съ собой въ далекомъ походѣ. Имѣя надежду въ непродолжительномъ времени принять конвой на законномъ основаніи, я съ радостью принялся за дѣло его снаряженія.

Въ конвой было приказано дать отборныхъ людей отъ полковъ. Каждый человекъ, помимо красивой внѣшности, представительнаго роста, долженъ былъ обладать извѣстнымъ развитіемъ и характеромъ, чтобы импонировать туземному населенію; кромѣ того, онъ долженъ былъ быть не обузой, не мертвымъ грузомъ въ походѣ, но полезнымъ сочленомъ экспедиціи. Всѣ отобранные казаки удовлетворили бы самому строгому требованію. Это были рослые люди, хорошо грамотные, развитые, между ними были мастеровые, сапожники, портные, были люди знающіе плотничное и столярное ремесло, были пѣвцы.

На другой же день моего эксъ-назначенія начальникомъ конвоя, по моему требованію, мнѣ былъ представленъ казакъ лейбъ-Казачьяго полка, Любовинымъ, списокъ вещей, которыя, по мнѣнію всего ихъ «круга» (общаго собранія), имъ нужны будутъ въ походѣ. При дальнѣйшемъ составленіи описи вещей полковникъ Артамоновъ руководствовался этимъ личнымъ желаніемъ казаковъ, вычеркнувъ изъ списка весьма немногія вещи, записанныя казаками, вслѣдствіе неполнаго пониманія ими, въ какія условія предстоитъ имъ попасть въ Африкѣ.

Всѣ эти вещи можно было разбить на три категоріи: по способу укладки, и по мѣстамъ ихъ употребленія, и на двѣ, по роду вещей: на казенныя и собственныя. Къ первой категоріи я отнесъ тѣ вещи, которыя казаку понадобятся только на мѣстѣ во время жизни въ Энтото, столицѣ Абиссиніи, это парадное снаряженіе и часть бѣлья; во вторую категорію вошли вещи, нужныя въ походѣ по пустынь: оружіе, патроны, сѣдла, выюкъ, фланелевое бѣлье и проч. и, наконецъ, къ третьей категоріи: вещи ручного багажа, бурки, верблюжьи куртки, запасъ бѣлья, мелочи походной жизни, бѣлыя фуражки и проч.

Первая категорія вещей укладывалась въ одинаковые ящики, длиной 10 вершковъ, шириной 8 и вышиной 6; ящики обшивались рогожей и подготовлялись къ отправленію на мулахъ и верблюдахъ; вѣсъ ихъ былъ не болѣе трехъ пудовъ. Сюда вошли:

- 1) Полное парадное снаряженіе.
- 2) Вицъ-мундиръ съ шараварами.
- 3) Третья, самая новая, пара сапогъ.
- 4) Замшевыя перчатки и галстухъ.
- 5) Бѣлая гимнастическая рубаша съ погонами.
- 6) Вальтрапъ съ подушкой.
- 7) Комплектъ знаковъ отличій и кокардъ.
- 8) Подарки для абиссинцевъ.

Ящики, вмѣстившіе въ себѣ вещи второй категоріи и подлежавшіе перевозкѣ только по желѣзной дорогѣ, да въ трюмахъ пароходовъ, имѣли различную длину, форму и вѣсъ. Сюда было уложено:

1) Фуражки бѣлыя съ назатыльниками. Въ виду исключительнаго положенія, въ которое попадалъ отрядъ по дорогѣ отъ Джibuти до Харрара, эти фуражки строились совершенно особеннымъ способомъ. Изъ легкой, бѣлой матеріи, фуражка эта имѣла на днѣ пробковый, коронообразный кругъ, не допускавшій возможности верху фуражки прикасаться къ теменю. По внутренней части околыша шла свернутая спиралью пружина, отдѣлявшая околышъ отъ лба, и дававшая свободный протокъ воздуха къ верхней части головы. По тульѣ и по верху было сдѣлано нѣсколько отверстій, величиной почти въ серебряный пятакъ. Такая фуражка отличалась необыкновенной легкостью и давала возможность совершенно вентилировать воздухъ надъ готовой, но, имѣя непрокое дно, она имѣла слишкомъ большую площадь для солнечныхъ лучей, и доктора отряда нѣсколько сомнѣвались въ ея практичности при переходѣ черезъ пустыню. Они считали, что англійскій пробковый шлемъ—единственный головной уборъ, возможный въ африканской пустынь. Предстояло испытать особо приспособленную шапочнымъ мастеромъ Ландратомъ фуражку.

Фуражки нижнихъ чиновъ конвоя были сдѣланы много проще и хуже офицерскихъ фуражекъ. Онѣ имѣли дырочки по тульѣ и по верху, имѣли также и внутреннюю пружину. Роль пробковыхъ донныхъ круговъ должны были сыграть длинные волосы, которые казаки имѣютъ обыкновеніе носить.

- 2) Двѣ гимнастическія рубашки.
- 3) Одна пара сапогъ.
- 4) Одна шинель.

5) Амунпція ременная.

6) Сѣдло съ полнымъ снаряженіемъ, съ новой системы переметными кожаными сумами и саквами.

7) Шесть конскихъ подковъ, двѣ пары на переднія ноги и одна пара на заднія. Всѣ эти подковы были сдѣланы по мѣркѣ, снятой съ копытъ лошадей, подаренныхъ пегусомъ Менеликомъ Государю Императору.

8) Тренога.

9) Желѣзные коновязные кольца для устройства коновязи.

10) Копья для пикъ.

11) Конскія щетки и скребницы.

12) Трехлинейныя винтовки (у артиллеристовъ револьверы).

13) Шанки.

14) Патроновъ боевыхъ 1,800 штукъ всего, на каждого по 120 патроновъ.

15) По десяти холостыхъ патроновъ на каждого казака.

16) По восемнадцати револьверныхъ патроновъ на каждого артиллерииста.

17) Два охотничьихъ ружья, 3 фунта пороху, 5 фунтовъ мелкой дробы, 5 фунтовъ средней и 5 фунтовъ картечи.

Всѣ эти вещи шли въ ящикахъ до Джибути—порта въ Красномъ морѣ. Наконецъ, на рукахъ у казаковъ были слѣдующія вещи:

1) По одной бѣлой простой фуражкѣ.

2) Верблюжья куртка, сшитая на манеръ австрійской, съ карманами по бокамъ и сборками сзади.

3) Суконные, сшіе шаравары.

4) Высокіе сапоги.

5) Бурка.

6) Финскій ножъ на брючномъ ремнѣ. Это составляло всѣдневный костюмъ казака во время проѣзда его на пароходѣ въ жаркихъ странахъ. Платье это должно было замѣнить казаку статское одѣяніе офицеровъ.

Для жаркихъ странъ было взято:

1) Гимнастическая рубашка безъ погонь.

2) Бѣлыя холщевыя брюки по двѣ пары на человѣка.

3) Парусиновые ботинки.

Затѣмъ, въ особыхъ мягкихъ чемоданахъ, сдѣланныхъ изъ непромокаемой черной парусины, было уложено:

1) Башлыки.

2) Войлоки для подстилки (кошмы).

3) Галстухи, по одному на человѣка.

4) Кусочки суконъ для починки.

5) Подстилочный холстъ.

6) Подошвы и опойка для сапогъ.

7) Ружейная (револьверная) принадлежность.

8) По четыре псподнія рубахи.

9) По четыре подпитаниковъ.

10) По три пары нитяныхъ носковъ.

11) По три пары шерстяныхъ носковъ.

12) По двѣ пары полотенецъ.

13) По четыре портянки.

14) По одной парѣ теплыхъ перчатокъ.

15) Валенки, обшитыя кожей.

16) Вискатиновыя накладки.

- 17) По двѣ пары фланелеваго бѣлья.
- 18) Платяныя и сапожныя щетки.
- 19) Сумка съ мелочью (шило, наперстокъ, молотокъ, ножницы, складной ножъ, щипчики, иголки, нитки, дратва, пуговицы, крючки для мундировъ и бѣлья, по 5-ти фунтовъ мыла для бѣлья, по три куса мыла для лица и рукъ, гребенка, зеркальце, сапожные гвозди, деревянные и желѣзные, бритвы, кисточка, мыльница и оселокъ).
- 20) По одной четверти фунта зеленого мыла.
- 21) По двѣ ложки.
- 22) По три банки ваксы.
- 23) По одной банкѣ лаку для черненія амуниціи.
- 24) Мазь для чистки мѣди.
- 25) Спички.
- 26) Книжка для дневника.
- 27) По шести тетрадей бумаги.
- 28) Лимонная кислота.
- 29) Металлическій стаканъ.
- 30) Водоносная баклага, стеклянная, оббитая соломой.
- 31) Плотничный инструментъ.
- 32) Два мѣдныхъ котла съ крышками для варки пищи.
- 33) Два чайника.
- 34) Три компаса.
- 35) Три циркуля.
- 36) Трое часовъ.
- 37) Евангеліе, молитвенникъ, огниво съ ~~фитилемъ~~, клетчатая бумага для съемки, чернильница, перья и карандаши.
- 38) Ковочный инструментъ.
- 39) Паяльная принадлежность.
- 40) Пѣсенническій инструментъ.
- 41) Сигнальная труба.
- 42) Складень съ иконою.

Икона была поднесена конвою офицерами миссіи и офицерами гвардейской казачьей бригады: пзящной работы образъ Спасителя въ вѣнцѣ эмалевой работы въ дубовомъ ящикѣ; на задней крышкѣ складня привинчена серебряная доска съ надписью: «Конвою Императорской Россійской дипломатической миссіи въ Абиссинію чины миссіи и гвардейская казачья бригада, 12-го октября 1897 года».

На заготовленіе предметовъ обмундированія и снаряженія, которые отъ казны не полагаются, каждому казаку было выдано по сто рублей подъемныхъ.

Какъ начальникъ конвоя, я взялъ съ собою тѣ же самыя вещи, какія были у нижнихъ чиновъ, и уложилъ ихъ такимъ же образомъ: т. е. ящикъ до Энното, ящикъ до Джибути и ручная кладь. Исключеніе составляли мой статскій костюмъ и ящикъ съ чертежною принадлежностью, красками и мелочью.

Для укладки моего имущества мнѣ любезно былъ предоставленъ поручикомъ Кавалергардскаго полка Чертковымъ на испытаніе выработанный въ полку выюкъ. Выюкъ этотъ состоитъ изъ двухъ пере-

метных сумъ для мягкихъ вещей и большого четырехугольнаго ящика изъ желтой парусины, разгороженнаго на двѣ части. Въ этотъ ящикъ вошла походная канцелярія, краски и проч.

Снаряженіе конвоя подвигалось весьма быстро. Лейбъ-гвардіи Казачій и лейбъ-гвардіи Атаманскій полки открыли свои мастерскія для работы куртокъ, бѣлыхъ брюкъ, подковъ и ящичковъ. Цѣлыми днями заготавливались, принимались и упаковывались вещи. Особенно много приложилъ старанія къ дѣлу снаряженія конвоя завѣдующій хозяйствомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ В. А. Родіоновъ. Каждая вещь, выдаваемая имъ казаку, проходила черезъ его строгій контроль. Не одно простое казачье «спасибо» сорвется съ устъ въ пустынь, гдѣ по достоинству оцѣнятся плоды его заботливости.

Миссія должна была тронуться 14-го октября... Было уже 10-е, а моя участь все еще не была рѣшена. Руки опускались, энергія пропадала. Наступали минуты отчаянія, я бросалъ живое дѣло снаряженія конвоя и шелъ въ канцелярію, гонялъ смѣну трубачей, словомъ, занимался обычными своими будничными дѣлами.

12-го октября въ церкви казачьей бригады послѣ обѣдни было отслужено напутственное молебствіе. Почти вся миссія собралась въ церкви помолиться Господу Богу. Впереди другихъ казаковъ, по срединѣ церкви, въ парадныхъ, алыхъ, синихъ, малиновыхъ и черныхъ мундирахъ стояли казаки конвоя. Съ боку отдѣльной кучкой, тоже въ парадной формѣ, стали члены миссіи: полковникъ генеральнаго штаба Артамоновъ, секретарь посланника, коллежскій секретарь Орловъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Арнольди, поручики лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона Коховскій и Давыдовъ и Кавалергардскаго полка поручикъ Чертковъ; послѣднимъ двумъ, ѣдущимъ на свой счетъ, только разрѣшено присоединиться къ миссіи. Доктора отряда: надворный совѣтникъ Лебединскій, коллежскій асесоръ Бровцынъ, провизоръ Лукьяновъ, классный фельдшеръ коллежскій регистраторъ Сасонъ и кандидатъ на классную должность Кузнецовъ были тутъ же. Всѣ офицеры обоихъ казачьихъ полковъ вмѣстѣ съ командирами присутствовали на молебствіи. Священникъ въ короткой прочувствованной рѣчи объяснилъ казакамъ обязанность ихъ, какъ христіанъ въ чужой далекой странѣ, увѣщевалъ ихъ терпѣливо сносить всѣ трудности пути въ землѣ съ климатомъ столь отличнымъ отъ того, въ которомъ они родились и выросли. Затѣмъ конвою была передана икона и каждому казаку по маленькому тѣльному крестику. При выходѣ изъ церкви казаки были собраны и начальникъ штаба гвардейскаго кор-

пуса генераль-маіоръ Глазовъ обратился къ нимъ съ напутственной рѣчью.

Если просмотрѣть дневники нижнихъ чиновъ за этотъ день, то можно видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на нихъ этотъ молебенъ въ присутствіи всего начальства. Впервые имъ ясно стало, что путешествіе ихъ необыкновенно, что это не переходъ въ Красносельскій лагерь, а настоящій походъ. «Сердца наши открылись, пишутъ грамотѣи Любовинъ, лейбъ-казакъ, обладатель прекраснаго баритона, жалко намъ стало расставаться съ товарищами, идти въ тѣ страны, о которыхъ мы знали лишь по-наслышкѣ, или читали въ учебникахъ». ...«Молебствіе, грустно расстаться, начальники наши прощались съ нами», коротко и просто отмѣчаетъ этотъ день здоровый Могутинъ, красавецъ бородачъ.

13-го октября я былъ вызванъ въ главный штабъ и здѣсь мнѣ было объявлено, что я назначенъ начальникомъ конвоя.

24 часа было въ моемъ распоряженіи на сборы и я приступилъ къ мобилизаціи.

Всю ночь съ 13-го на 14-е октября въ конвоѣ никто не ложился. Стучали топоры, раздавался визгъ пилы. Одни ящики приносились изъ мастерскихъ, ихъ отдѣлывали окончательно, приспособляли къ вещамъ, накладывали, забивали досками, обшивали рогожей и надписывали. Люди работали весело, бойко. Не было и тѣни желанія выпить на прощанье, всѣ были озабочены и заняты укладкой.

Блѣдное петербургское утро освѣтило комнату, установленную ящиками для далекаго путешествія. Свѣжій осенній вѣтеръ дулъ по улицамъ—таково было это послѣднее утро въ Петербургѣ...

Минута отъѣзда, очень тяжелая для провожающихъ—легче переносится уѣзжающими. Толпа народа, собравшаяся къ 3-мъ часамъ дня на Николаевскомъ вокзалѣ, сердечныя пожеланія, все это повышаетъ нѣсколько настроеніе, разлука кажется не такъ замѣтной, мало думаешь о будущемъ, всѣ мысли еще назади, въ Петербургѣ. Однако, многіе изъ казаковъ плакали. Это были слезы, вызванныя исключительно волненіемъ неожиданныхъ и трогательныхъ проводовъ...

Самая скучная, по всей вѣроятности, часть пути началась. Поѣздъ тронулся, всѣ сняли шапки и перекрестились.—«Счастливый путь»—кричали на станціи. Пошли мелькать мимо знакомые заборы, багажные вагоны, платформы. Показались красныя казачьи казармы, манежъ, замелькалъ переплетъ моста, пошли болота и лѣса родного сѣвера, Петербургъ остался позади, члены миссіи начали знакомиться другъ съ другомъ...

Составъ офицеровъ и врачей мною названъ выше. Я позволю теперь остановиться на нижнихъ чинахъ ввѣреннаго мнѣ конвоя. Ихъ 20 человѣкъ, одинъ уже уѣхалъ; на лицо 19. Въ видахъ удобства управленія конвоемъ я разбилъ его на три звена (отдѣленія): лейбъ-казачье, атаманское и сводное (изъ уральцевъ и артилеристовъ). Старшимъ на правахъ вахмистра назначенъ съ утвержденія полковника Артамонова старшій урядникъ лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка *Духопельниковъ*, молодецъ 2-хъ аршинъ 12-ти вершковъ ростомъ, съ широкой окладистой бородой и ясными голубоватыми глазами, православный, холостъ, характера спокойнаго, немного резонеръ. Важничаетъ, но слегка. Очень серьезенъ и неразговорчивъ. Старшій лейбъ-казачьяго звена—младшій урядникъ *Ереминъ*, православный, женатъ. Ростомъ не ниже Духопельникова, но имѣетъ болѣе жидкую бороду, поетъ звонкимъ теноромъ, тупѣе противъ другихъ своихъ товарищей. Казаки *Изваринъ* и *Могутовъ*, женаты, коренасты и сильны. Представители физической силы. Трубачъ *Терешкинъ*, худощавъ и строенъ, слегка горбится, мастеръ на всѣ руки. Характера мрачнаго. Казакъ *Любовинъ*, холостой парень, невысокаго роста, съ глазами на выкатъ, поситъ небольшіе усы. Любитъ почитать книжку, поговорить; смѣсь писарскаго шика съ казачьимъ самолюбіемъ; обладаетъ прекраснымъ баритономъ и знаетъ много пѣсенъ. Слегка презираетъ своихъ остальныхъ товарищей — сѣрые, дескать, ничего не понимаютъ. Знатокъ различныхъ напѣвовъ, человѣкъ бывалый, весьма любознателенъ. Старшій атаманскаго звена — старшій урядникъ *Авиловъ*, большаго роста, худощавый, характеромъ похожъ на Духопельникова, но жиже и слабѣе его. Женатъ, часто задумывается. Трубачъ—урядникъ *Алифановъ*. Блѣдное лицо, обрамленное густой черной бородой, съ черными же задумчивыми глазами. Портной, плотникъ и кузнецъ. Весьма исполнительенъ, но говорить много не любитъ. Приказный *Крынинъ*, казакъ средняго роста, человѣкъ расторопный и почтительный. Соваться впередъ не любитъ—порученное исполнить тщательно. Приказный *Архиновъ*, плотный и сильный мужчина, старовѣръ, угрюмаго и задумчиваго характера; глаза, сверкающіе изъ-подъ нависшихъ бровей, скрываютъ добрую душу; чертежникъ и съемщикъ. Казакъ *Кривошлыковъ*, длинный, худой, некрасивый съ виду дѣтина, кузнецъ и паяльных дѣлъ мастеръ, выправка неважная, любитъ слетни, постоянно вытягиваетъ шею и слушаетъ. Приказный *Деминъ*, почти мальчикъ съ пробивающимися черными усиками, 2-хъ аршинъ 11-ти вершковъ росту. Старшій своднаго звена — фейерверкеръ 1-й батареи гвардейской